

СТОЛЫПИНЫ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ 1812 ГОДА

Судьба рода Столыпинах теснейшим образом связана с историей Отечественной войны 1812 г. В сражениях с наполеоновской армией принимали участие трое сыновей бывшего в 1787–1790 гг. пензенским губернским предводителем дворянства отставного поручика Алексея Емельяновича Столыпина (1744–1817). Среди них и родной дед будущего реформатора – Дмитрий Алексеевич Столыпин. Кроме того, обер-прокурор Правительствующего Сената Арк.А. Столыпин и Е.А. Арсеньева (урож. Столыпина), бабушка М.Ю. Лермонтова, во время войны принимали активное участие в добровольных пожертвованиях на различные нужды. В данной публикации мы рассмотрим различные эпизоды из военной биографии трех братьев Столыпинах, связанные с судьбоносным для России периодом ее существования, и отметим тот материальный вклад, который внесли в победу над Наполеоном другие представители большой семьи А.Е. Столыпина.

Николай Алексеевич Столыпин (1781–1830) уже в раннем возрасте (в январе 1783 г.) был записан в военную службу, вахмистром в л. -гв. Конный полк. В 1795 г. он был выпущен в армию капитаном и вскоре переведен ротмистром в Екатеринославский кирасирский полк. В 1806–1812 гг. Н.А. Столыпин участвовал в русско-турецкой войне. Он находился при осаде Браилова. В сражении при Турбате получил ранение в ногу. В 1810 г. в чине подполковника Н.А. Столыпин был переведен в Ямбургский драгунский полк и назначен его командиром [1; 7, с. 146–162].

В начале Отечественной войны 1812 г. Ямбургский драгунский полк входил в состав 3-й бригады 1-й кавалерийской дивизии. В конце июня вместе с 1-м отдельным пехотным корпусом под командованием ген.-лейт. П.Х. Витгенштейна он был оставлен на р. Западная Двина для прикрытия С.-Петербургского направления. Н.А. Столыпин сражался при Клястицах и на р. Свольне. За отличие, проявленное в сражении при Полоцке, он был произведен в полковники, а за храбрость, оказанную при взятии Витебска, награжден орденом Св. Георгия 3-й степени [2].

О последнем деле необходимо сказать особо. 25 октября 1812 г. ген.-лейт. П.Х. Витгенштейн отрядил для взятия Витебска небольшой отряд под командованием ген.-м. В.И. Гарпе (Навагинский пехотный, 26-й

егерский полки, два эскадрона Ямбургского драгунского, по одному эскадрону Рижского драгунского и Польского уланского полков, 7-ю дружину С.-Петербургского ополчения, сотню казаков и 6 орудий 1-й конной арт. роты). 26 октября в 7 часов утра отряд ген.-м. В.И. Гарпе неожиданно атаковал находившийся в Витебске французский гарнизон и ворвался в город. После кратковременного, но жаркого боя французы вынуждены были отступить по дороге к м. Лиозне. Для их преследования был направлен полковник Н.А. Столыпин с двумя эскадронами Ямбургского драгунского полка. У м. Фальковичи русская кавалерия атаковала французов. Генерал Ф.Р. Пуже, бывший губернатором Витебска, попытался построить войска в каре, но его попытка окончилась неудачей, так как необученные солдаты, составлявшие гарнизон, сделали несколько выстрелов, обратились в бегство и были изрублены русскими драгунами. Генерал Пуже выстрелами из пистолетов убил двух драгун, но был окружен, ранен саблей в левое плечо и взят в плен. Кроме того, отряду Н.А. Столыпина в качестве трофеев достались около 300 солдат и два французских орудия [3; 7, с. 152–158]. Племянник Николая Алексеевича Столыпина Дмитрий Аркадьевич Столыпин в 1871 г. писал в журнале «Русский архив», что «как памятник этого славного дела и теперь хранится в деревне, оставшейся после Н.А. (Николая Алексеевича. – С.Б.), седло, покрытое малиновым бархатом и принадлежавшее ген[ералу] Пуже» [4, ст. 451–452].

В 1813 г. Н.А. Столыпин находился при осаде крепостей Пиллау и Данцига [5, л. 2об.–3.]. В июне 1815 г. он был назначен командиром Оренбургского уланского полка [6, с. 39]. Н.А. Столыпин дослужился до чина генерал-лейтенанта, был военным губернатором г. Севастополя, где и погиб в 1830 г. во время чумного бунта [7, с. 159–160].

Дмитрий Алексеевич Столыпин (1785–1826) в составе гвардейской конной артиллерии принимал участие в военных кампаниях против наполеоновской Франции в 1805 и 1807 г., сражался при Аустерлице и Фридланде [8, с. 31, 39]. О высоком уровне его образованности позволяют судить написанные им теоретические статьи по использованию в сражении полевой артиллерии, опубликованные на страницах «Военного журнала» в 1809–1811 гг.

В статье «В чем состоит употребление и польза конной артиллерии» Д.А. Столыпин изложил свое мнение по вопросу об использовании в сражении конной артиллерии. Молодой офицер обратил внимание на то, что действия артиллерии нельзя рассматривать без учета фактора времени. В артиллерийском бою время исчисляется «не часами, а мину-

тами, а иногда и секундами». Конная артиллерия, по мнению Д.А. Столыпина, есть самый лучший артиллерийский резерв. Ее место возле главнокомандующего или начальника артиллерии, откуда можно одинаково быстро устремить ее в центр и на фланги. Конная артиллерия может закрыть участок, на котором прорвался неприятель, а в случае преследования является просто незаменимой из-за возможности быстрого передвижения. При этом, безусловно, надо ценить это дорогое войско и не давать ему поручений, которые могут быть исполнены другими воинскими частями и соединениями.

Во второй статье Д.А. Столыпин предлагает использовать артиллерию концентрированно, не рассеивать выстрелов по всем войскам, но сосредоточивать их на одной колонне, «опаснейшей или ближайшей». Батареям необходимо действовать по принципу: чем ближе противник, тем гуще стрельба. Ядра и гранаты «наводят ужас свистом своим, ужасными ранами, ломают всякие преграды, сбивают пушки, взрывают ящики, делают контузии, ранят обломками», «расстраивают... полки, ...нет лощины и косогора, куда бы не доставали их рикошеты», – писал он.

Свою статью Д.А. Столыпин заканчивает словами: «Чтобы артиллерия хорошо действовала, офицеры всех чинов должны сохранять хладнокровие в самый горячий момент дела; они должны поступать осторожно и с обдуманностью, чтобы вокруг них не происходило. Это есть истинная храбрость в высочайшей ее степени» [9, с. 26].

Интересно, что многие теоретические выводы Д.А. Столыпина воплотились в действиях русской артиллерии на Бородинском поле. Даже спустя пятьдесят лет крупный военный теоретик В.Ф. Ратч высоко оценивал работы Столыпина, отмечая, что «все последующие были лишь вариациями на изложенные им темы» [10; 11].

В 1812 г. Д.А. Столыпин в чине штабс-капитана служил в конно-легкой батарее № 2 капитана А.Ф. Ралля 2-го л. -гв. конной артиллерии. В ее составе он принимал участие в Бородинском сражении. Конно-легкая батарея № 2 находилась в общем резерве до 3 часов дня, когда четыре орудия ее 1-го дивизиона, в котором служил и Д.А. Столыпин, были введены в сражение у батареи Раевского вместе с полками 2-го и 3-го кавалерийских корпусов. Гвардейские артиллеристы, не давая сосредоточиться неприятельской кавалерии, открыли по ней огонь картечью на самом близком расстоянии. Французы были сбиты со своих позиций, и русская конница бросилась их преследовать. За нею устремился и 1-й дивизион конно-легкой батареи. Однако вскоре кавалерия наткну-

лась на вражескую пехоту и 12-орудийную французскую батарею. После непродолжительной, но яростной артиллерийской перестрелки четыре орудия гвардейской конной артиллерии вынуждены были отступить, потеряв убитыми и ранеными много людей. В ходе боя был смертельно ранен и командир батареи капитан А.Ф. Ралль 2-й. Д.А. Столыпин, принявший командование, вынужден был отступить по местности, занятой противником. Однако он сумел сохранить все свои орудия, причем у одного из них было разбито передковое колесо, и вернуться в расположение русских войск [12, с. 51–52]. Очевидно, именно за этот эпизод боя получил Знак отличия Военного ордена фейерверкер л. -гв. конно-артиллерийской роты Василий Карнаухов, в реляции о награждении которого говорится, что он «в сильнейшем картечном огне переменял колесо у лафета и справил упряжь и тем привел орудие в порядок» [13, с. 213]. Командующий 1-й кирасирской дивизии ген.-м. Н.М. Бороздин в своем рапорте свидетельствовал отличную храбрость офицеров л. -гв. конной артиллерии: «капитана Ралля 2-го, штабс-капитана Сталыпина; подпоручиков: Бартоломея, Дивова, барона Корфа, Куприянова, а особливо Бистрома, Гельмерсена и Гижицкого, которые при совершенном расстройстве батареи от неприятельских картечных выстрелов удерживались с четырьмя орудиями долгое время» [13, с. 204.]. За отличие в Бородинском сражении Д.А. Столыпин был произведен в капитаны [12, с. 56].

Гораздо больше информации известно об участии в Отечественной войне 1812 г. Афанасия Алексеевича Столыпина (1788–1866). Во-первых, потому, что сохранились воспоминания его сослуживцев, артиллерийских офицеров И.С. Жиркевича и А.С. Норова. Во-вторых, исследователи творчества М.Ю. Лермонтова считают, что именно Аф.А. Столыпин являлся тем источником, откуда поэт черпал сведения о сражении при написании своего бессмертного стихотворения «Бородино». И неоднократно обращались к различным фактам из его биографии [10; 14; 25].

Аф.А. Столыпин поступил на военную службу в 1805 г. В составе л. -гв. артиллерийского батальона он принимал участие в военной кампании с Францией 1807 г. Сражался при Гуттштадте и Гейльзберге. В сражении при Фридланде был ранен пулей в ногу и за отличие награжден орденом Св. Владимира 4-й степени с бантом [15, л. 617об.–619.]. Кстати сказать, полученная рана на протяжении всей жизни очень беспокоила его. Еще 15 февраля 1813 г. в письме к Е.А. Верещагиной он писал: «Ноге моей хуже, может быть, дело дойдет до операции». В ян-

варе 1817 г. из-за раны он вынужден был оставить военную службу. Рана продолжала беспокоить его. А.А. Столыпин ездил за границу лечиться. Н.П. Огарев в письме жене из Франкфурта 19 июля 1843 г. сообщал: «Ему делают операцию сегодня; режут косточку и жилку в ноге». 29 июня 1862 г. А.А. Столыпин писал Е.А. Верещагиной: «О себе скажу, что и я тоже, благодарю Бога, здоров. Только раненая нога стала беспокоить, но втерпеж» [14, с. 31].

В 1812 г. А.А. Столыпин в чине поручика служил в легкой роте № 2 капитана А.Г. Гогеля л.-гв. артиллерийской бригады. В марте 1812 г. гвардия выступила к западным границам Российской империи. И.С. Жиркевич приводит следующие подробности стоянки гвардейской артиллерии в м. Даугелишки, которые позволяют представить и особенности характера А.А. Столыпина: «Когда мы стояли в Даугелишках, наша рота была расположена в деревне, отделенной от местечка небольшим озером, так что чрез оное до штаб-квартиры было не более $\frac{1}{4}$ версты, а в объезд должно было ехать около 4 верст. В апреле, когда уже в поле снегу вовсе не было, но на озере еще держался остаток льда, в нашу роту приехали в гости из штаба наши офицеры: Вельяминов, Базилевич, Демидов, кн. Михаил Горчаков, адъютанты Ермолова: Фон Визин, Поздеев и бывший при нем же ротмистр Кавалергардского полка Римский-Корсаков. Все они были приятели товарища нашего Афонасья Столыпина. Пообедав хорошенько у нас и по какому-то особому случаю спеша возвратиться в штаб-квартиру, они заметили, что немного опоздали, тогда Столыпин предложил ехать обратно через озеро, взявши на себя быть их вожатым. Сперва стали смеяться такому вызову; потом, видя его настойчивость и насмешку с выражением «струсили», и другие стали требовать непременно ехать через озеро, а у берегов уже сажень на десять и льда не оставалось. Вельяминов и Поздеев одни поехали в объезд, а прочие, в глазах наших, сперва вплавь, а потом, проламываясь на каждом шагу, через лед, побрели озером. Ермолов, с другого берега, увидев в окно это безрассудство, вышел к ним навстречу, и когда они перебрались, порядком намылил им головы, грозил арестовать их и отдал приказ по пехотному гвардейскому корпусу, которым он уже тогда командовал...» [16, с. 637].

О том, что А.А. Столыпин имел много приятелей, свидетельствовал и Н.Н. Муравьев-Карский. Когда в конце июня 1812 г. он остановился в корчме недалеко от м. Видзы, дожидаясь подхода 1-й кирасир-

ской дивизии, он застал в ней «гвард. артиллерии поручика Афанасия Столыпина, который командовал двумя орудиями, выдвинутыми на небольшую высоту. Познакомившись, он сводил меня в лагерь гвардейского егерского полка и познакомил с офицерами Крыловым, Делгардом, князем Грузинским и проч.» [17, с. 77].

А.А. Столыпин принимал участие в сражении при Бородино, за отличие в котором он был награжден золотой шпагой с надписью «За храбрость». Прапорщик л.-гв. артиллерийской бригады А.С. Норов вспоминал, что 22 августа их рота остановилась у с. Бородино. «Мы не имели времени оглядеться в первый день, усталые от похода и занятые размещением орудий, коновязи, обоза и, наконец, своих бивуаков; нам казалось, что мы пришли как бы на стоянку. И подлинно, для скольких тысяч из нас это место сделалось вечною стоянкою!» [18, с. 346]. 24 августа А.А. Столыпин по собственной инициативе находился недалеко от Шевардинского редута. А.С. Норов писал: «Я нашел у нас в гостях капитана Вельяминова и штабс-капитана Ладыгина, которые только что возвратились со Столыпиным из-под Шевардина. Они были в стрелковой цепи и рассказывали про ловкость французских стрелков, которые, перестреливаясь, находились в беспрестанном движении, не представляя собою цели неприятелю» [18, с. 354]. «26 августа, – писал И.С. Жиркевич, – с зарею раздался первый пушечный выстрел и уже не прерывался до захождения солнца. Рота наша, хотя и стояла позади роты графа Аракчеева, а не в линии, но ядра долетали до нас. Часа два были на этом месте, потом нам приказано было отойти назад, сближаясь с центром. Тут простояли часу до первого и успели пообедать. Но едва кончили закуску, как подъехал адъютант Дохтуров, спрашивая, где батарейная рота капитана Гогеля? Жиркевич и поручик Столыпин вскочили и подбежали к нему, закричав «наша». Адъютант объявил, что рота должна идти на левый фланг, где он укажет ей место. Адъютант поехал вперед и повел нас кустарником, без дороги; а так как в этом пункте ядра ложились в учащенном количестве, то вожатый начал забирать, левее и левее... Но едва мы вышли из кустов, как по нас раздался залп и мы прямо очутились перед двухярусной неприятельской бригадою. Адъютант поскакал назад. Капитан роты вслед кричит: «Покажите нам место!» [16, с. 654].

Об этом эпизоде боя сохранились воспоминания и прапорщика А.С. Норова. «Не знаю, по чьим распоряжениям нас повели в дело; но я видел подскакавшего к командиру нашей 2-й роты капитану Гогелю офицера Генерального штаба, за которым мы и последовали по

направлению к левому флангу. Это было единственное приказание, которое мы получили, и впоследствии действовали уже как знали и умели. Это был тот момент, когда по взятии неприятелем Семеновских флешей наша боевая линия, командуемая Дохтуровым и Коновницыным, под покровительством нашей артиллерии, выстраивалась вдоль оврага между Семеновскою и противулежащею платформою. И наша батарея была выдвинута для той же цели» [18, с. 356]. «Командование нашею батареею скоро перешло к штабс-капитану Столыпину: неприятельская граната сильно оконтузила капитана Гогеля, убив под ним лошадь. Нас прикрывал кирасирский Его Величества полк... Мы подвинулись... вперед; но вскоре увидели перед собою ряды неприятельской кавалерии. Это была кавалерия Латур-Мобура... Тогда кирасирский Его Величества полк двинулся для удержания атаки. Наш батареинный командир Столыпин, видев движение кирасиров, взял на передки, рысью выехал несколько вперед и, переменяя фронт, ожидал приближения неприятеля без выстрела. Орудия были заряжены картечью; цель Столыпина состояла в том, чтобы подпустить неприятеля на близкое расстояние, сильным огнем расстроить противника и тем подготовить верный успех нашим кирасирам. Неприятель смело шел малою рысью прямо на грозно ожидавшую его батарею; но в то время, когда неприятельская кавалерия была не далее 150 сажень от батареи, на которой уже наносились пальники, кавалерия эта развернулась на две стороны и показала скрытую за нею легковую конную батарею, снявшуюся уже с передков. Одновременно с обеих сторон разразились выстрелы. Неминуемая сумятица не могла не произойти временно на батарее при столь близкой посылке картечи: несколько людей и лошадей выбыло из строя; но, имея дело с кавалериею, у нас уже были приготовлены картузы для следующего выстрела, и я успел еще послать картечь из моего флангового орудия. Это был мой последний салют неприятелю... Я вдруг почувствовал электрическое сотрясение, упал возле орудия и увидел, что моя левая нога раздроблена вдребезги... Я еще видел, как наши кирасиры, бывшие дотоле бездействующими зрителями, понеслись в атаку... Под Столыпиным /была/ убита его лихая горская лошадь...» [18, с. 359]. В реляции о награждении А.А. Столыпина золотой шпагой с надписью «За храбрость» говорится, что он «действовал отлично своими орудиями по неприятельской кавалерии и батареям, коих пальбу заставил прерывать» [19, л. 260об.-261].

В начале 1813 г. А.А. Столыпин был произведен в штабс-капитаны. В декабре 1815 г. он был переведен в 17-ю артиллерийскую бригаду, а в начале 1817 г. отставлен от военной службы по ранению тем же чином [15, л. 617об.–619].

Еще один сын А.Е. Столыпина, обер-прокурор Правительствующего Сената Аркадий Алексеевич Столыпин (1778–1825), в 1812 г. находился в Пензенской губернии. Он принимал самое активное участие в добровольных пожертвованиях. Уже в мае 1812 г. Арк.А. Столыпин сделал подписку на 700 руб. на военные нужды [20, л. 617об.–619]. 23 сентября одним из первых он внес 500 руб. в Комитет пожертвований для ополчения и обязался вносить указанную сумму «каждый год во все продолжение войны» [21, л. 7об.–8]. 21 марта 1813 г. Арк.А. Столыпин пожертвовал еще 200 руб. для С.-Петербургского патриотического женского общества [22, л. 19–23].

В марте 1813 г. председатель Комитета пожертвований для ополчения отставной бригадир Н.С. Кашкарова подал прошение в Пензенское губернское правление о том, что по совершенному расстройству здоровья он не может дальше исполнять возложенной на него службы, а для скорейшего восстановления сил должен немедленно отправиться на Кавказ к минеральным водам. Н.С. Кашкаров просил освободить его по болезни от должности. Губернское правление постановило уволить от должности председателя Комитета пожертвований для ополчения отставного бригадира Н.С. Кашкарова и на его место назначить «находящегося ныне не у дел» обер-прокурора Правительствующего Сената Арк.А.Столыпина. 31 марта он вступил в должность [23, л. 434–435].

Следует отметить и еще один интересный факт. 8 июня 1812 г. 100 руб. на военные нужды пожертвовала и родная бабушка М.Ю. Лермонтова Елизавета Алексеевна Арсеньева (урожд. Столыпина) [24, л. 165].

Таким образом, Столыпина внесли заметный вклад в победу над наполеоновской армией в 1812 г.

Библиографический список

1. Российский государственный военно-исторический архив (далее РГВИА). Ф. 489. Оп. 1. Д. 2693. Л. 2об.–3.
2. Там же. Ф. 489. Оп. 1. Д. 2693. Л. 2об.–3; Военный орден Святого Великомученика и Победоносца Георгия. Именные списки 1769–1920.

- Биобиблиографический справочник / отв. сост. В.М. Шабанов. М., 2004. С.145.
3. Бутурлин Д. П. История нашествия императора Наполеона на Россию в 1812-м году. СПб., 1838. Ч. 2. С. 173–175; Крестовский В.В. История 14-го уланского Ямбургского Ее Императорского Высочества великой княжны Марии Александровны полка. СПб., 1873. С. 242–245; Попов А.И. Освобождение Витебска 7 ноября 1812 г. // Воин. 2003. № 12. С. 49–53; Попов А.И. Витебск // Отечественная война 1812 года. Энциклопедия. М., 2004. С. 126–127.
 4. Письма Сперанского А.А. Столыпину (примечание Д. Столыпина) // Русский архив. 1871.
 5. РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 2693.
 6. Подмазо А. Шефы и командиры регулярных полков русской армии (1796–1815): справочное пособие. М., 1997.
 7. Белоусов С.В. Николай Алексеевич Столыпин: штрихи биографии // Тарханский вестник. 2008. Вып. 21. С. 146–162.
 8. Абаза В.А. История л. -гв. Конной артиллерии. СПб., 1896.
 9. Столыпин Д. Употребление артиллерии в поле // Император. 2006. № 9.
 10. Андроников И.Л. Лермонтов. Исследования и находки. М., 1969. С. 83–85;
 11. Галайко В.М. Ему вечно хотелось сражаться. М., 1990. С. 54–56; Смирнов А.А. Аракчеевская» артиллерия. Русская полевая артиллерия системы 1805 года. М., 1998.
 12. Потоцкий П. Гвардейская артиллерия в Бородинском бою. СПб., 1912.
 13. Бородино: Документальная хроника / сост. А.М. Валькович, А.П. Капитонов. М., 2004.
 14. Максимов Е.К. Саратовская родня М.Ю. Лермонтова // Пензенский временник любителей старины. 1994. Вып. 10. С. 31–34;
 15. Государственный архив Саратовской области (далее ГАСО). Ф. 2. Оп. 1. Д. 648.
 16. Записки И.С. Жиркевича (1789–1848) // Русская старина. 1874. № 8.
 17. Муравьев-Карский Н.Н. Записки // Русский архив. 1885. № 9.
 18. Норов А.С. Воспоминания // России двинулись сыны: Записки об Отечественной войне 1812 года ее участников и очевидцев. М., 1988.
 19. РГВИА. Ф. 29. Оп. 153г. Св.20. Д. 13.
 20. Государственный архив Пензенской области (далее ГАПО). Ф. 5. Оп. 1. Д. 431.
 21. Там же. Ф. 196. Оп. 1. Д. 377.
 22. Там же. Ф. 5. Оп. 1. Д. 408.